

А. М. Гоголев

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

A. M. Gogolev

STATE ADMINISTRATION AS LEGAL CATEGORY

Автор дает понятие государственному управлению, ссылаясь на различные точки зрения компетентных в этом вопросе лиц. Поднимается вопрос влияния персоналии Президента Российской Федерации на государственную власть, в том числе судебную: проблема восприятия судебного прецедента в качестве источника отечественного права. По мнению автора, прецедентное право дает, прежде всего, возможность восполнять пробелы в законодательстве, а также является отражением реального юридического случая, имеющего некоторое обобщенное значение, что крайне важно для защиты прав и свобод граждан и интересов юридических лиц не в «отложенной перспективе», а непосредственно в процессе судебного разбирательства. В качестве примера автор рассматривает некоторые положения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2012 № 6-П, предлагает варианты решения сложившегося терминологического вопроса.

Ключевые слова: государственное управление, административное право, государство, судебный прецедент, распоряжение, собственность, государственная деятельность.

The author gives the definition to public administration referring to the various points of view of competent people. The question of personal influence of the President of the Russian Federation on the government including judicial is brought up: the problem of perception of judicial precedent as a source of the domestic right. According to the author, the case-law gives the chance to address, first of all, the gaps in the legislation, and also is reflection of the real legal case having some generalized value which is extremely important for protection of the rights and liberties of citizens and interests of legal entities not in "the postponed perspective" but directly in the course of judicial proceedings. As an example the author considers some provisions of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation as of 01.03.2012 No. 6-P, and offers versions of the solution of the developed terminological question.

Keywords: public administration, administrative law, state, judicial precedent, order, property, state activity.

66

Административное
право

Для раскрытия сущности и содержания заявленной проблематики представляется целесообразным обратиться к умозаключению французского политолога Р. Грегори, имеющему, на наш взгляд, важный методологический посыл, согласно которому административно-государственное управление есть особая социальная функция, направленная на упорядочение развития в интересах всего общества, где государственный чиновник выступает специальным агентом власти¹.

При всей образности данного суждения в нем заложена очень значимая мысль — чиновник есть агент, то есть

проводник, реализатор власти, а сама власть должна служить прогрессу. Отметим также, что Р. Грегори не случайно избрал двойной термин: административно-государственное управление, а не просто государственное управление. Как представляется, он хотел тем самым подчеркнуть, что государственное управление является общегосударственной задачей, а административно-государственное управление — основной функцией исполнительной власти.

Схожую мысль можно обнаружить и у ряда отечественных ученых. Так, А. А. Фатьянов полагает, что в государстве, практически реализующем принцип

разделения властей, государственное управление не может являться прерогативой одной только исполнительной власти — в этом процессе органично принимают участие все ветви государственной власти. Говоря иначе, государственное управление — это деятельность всего государственного механизма в целом².

Отметим, что в данных суждениях заложена отнюдь не игра слов — за ними стоят целые научные концепции, научные школы, специальности научных работников. Но самое основное не это — от точности такого рода суждений в конечном итоге зависит, как будет устроена государственная власть, как она будет функционировать, так как науки о государстве и само государство, сама власть, находятся в неизбежной и тесной взаимосвязи. В современной истории можно проследить множество локальных случаев, когда оторванные от науки попытки реформирования властных институтов терпели неудачу.

Категория «государственное управление» является ныне межотраслевой. Ей оперируют не только науки административного и конституционного права, но и политические, и социологические науки. И весьма странным является то, что данное понятие с некоторых пор не стало предметом ни одной специальности научных работников, хотя еще десять лет назад оно входило в специальность 12.00.02 «Конституционное право; административное право; государственное управление».

Здесь уместно обратить внимание, что как ни парадоксально, но большинство ученых-административистов, хотя активно используют в своих трудах данную категорию, от ее определения уклоняются. Поэтому обратимся к работе, посвященной собственно теории государственного управления Ее автор, Г. В. Атаманчук, полагает следующее:

«Государственное управление — это практическое, организующее и регулирующее воздействие государства (через систему своих структур) на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения и преобразования, опирающееся на его властную силу.

Конечно, любое определение сложного общественного явления всегда условно и ограничено, ибо неизбежно оставляет за пределами характеристики какие-то важные элементы и взаимосвязи. Достоинство предложенного определения государственного управления усматривается в том, что оно объединяет в логическую

целостность по крайней мере три момента: государство как системно организованный субъект управления; общественную жизнедеятельность людей, воспринимающую управляющее воздействие и реагирующую на них; сами управляющие воздействия, образующие активные взаимосвязи между государством и обществом»³.

Сказано широко, научно размашисто, но в юридическом научном смысле не вполне точно. Для раскрытия сущности данного феномена представляется целесообразным обратиться к начальным, исходным категориям. В данном случае к категории «управление», которую в общенаучном понимании возможно определить как функцию организованных систем различной природы, обеспечивающую сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и целей деятельности. В свою очередь, социальное управление есть воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития.

Любое общество может только тогда именоваться обществом, когда оно структурировано на управляющую и управляемую подсистемы. Причем следует отметить, что такое подразделение есть потребность самих людей, которые сознательно выдвигают единоличного или коллективного управляющего, наделяя его определенным комплексом полномочий. Это может происходить стихийно или осознанно, но всегда формирование управляющей подсистемы является потребностью общества.

Разделение властей — это один из краеугольных камней современного государства. Ст. 10 Конституции Российской Федерации лаконично устанавливает следующее: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Однако при этом не следует забывать, что государственная власть должна быть единой, так как ее источником является в демократическом государстве народ, который не может формировать сразу несколько властей. Поэтому следует говорить об относительной самостоятельности каждой из ветвей государственной власти.

Как справедливо отмечают А. П. Алевин и Ю. М. Козлов, «государство всегда проявляет себя властно как в условиях

господства рыночных отношений, так и в условиях всеобщего обобществления. Но властные волеизъявления государства находят свое конкретное воплощение в государственно-властных полномочиях, субъектами которых являются соответствующие государственные органы (государственный аппарат), совокупность которых и создает осязаемое представление о том, что государство не абстракция, а функциональная реальность. Именно в наличии и возможности практической реализации государственно-властных (юридически властных) полномочий проявляются как принадлежащая государству власть, так и ее принципиальное единство.

Однако государство как властвующий в обществе феномен проявляет себя не однозначно. Этот момент и послужил основой для оформления и теоретического обоснования двух принципиальных подходов к определению сущности государственной власти. Для западного мира — это теория «разделения властей». В качестве ее антипода для социализма была «уготована» иная концептуальная позиция: власть — работающая (то есть непарламентская) корпорация, одновременно законодательствующая и исполняющая законы⁴. Эта догма марксизма-ленинизма, будучи господствующей, придавала решению проблемы соотношения ветвей власти специфический характер, по существу снимая с повестки дня само это соотношение. Общеизвестным стал постулат: в процессе реализации единой государственной власти имеет место не разделение властей, якобы нарушающих ее единство, а разделение труда (функций) между разными государственным органами. Теория «разделения властей» была признана принципиально неприемлемой для нашей государственно-правовой действительности. Соответственно была лишена самостоятельного значения и проблема соотношения законодательной и исполнительной власти, хотя, конечно, вопрос о соотносимости деятельности законодательных и исполнительных органов не снимался⁵.

По мнению автора, сущностного разграничения между понятиями «разделение властей» и «разграничение функций» не просматривается, так как речь идет все же о единой государственной власти. Однако при этом разделение властей есть важный механизм поддержания реального народовластия и защиты прав человека. Ведь если «народные избранники» будут создавать нормы права и одновременно обеспечивать их исполнение, то вполне реальной становится ситуация, при кото-

рой нормы права будут формироваться не исходя из потребностей общества, а исходя из удобства их исполнения. При данном подходе государство довольно быстро превратится в профанацию.

Вопрос о разделении властей — это прежде всего вопрос об объеме властных полномочий законодательной и исполнительной властей. Упрощенная схема: законодательная власть на основании делегированных ей народом полномочий определяет правила поведения, а исполнительная власть их реализует в практическую действительность (осуществляет исполнительно-распорядительную деятельность) — в действительности не работает и не может работать. Законодатели не вправе непосредственно вмешиваться в деятельность исполнительной власти, в том числе лишены права на осуществление контроля, исполнительная власть не вправе навязывать свою волю законодательной власти, а может лишь инициировать законопроект. Но и та и другая властвуют.

На наш взгляд, указанная схема также предполагает наличие еще одного важнейшего элемента системы государственной власти в Российской Федерации — института Президента Российской Федерации, который активно участвует в ее реализации, имея существенные рычаги воздействия как на исполнительную власть, так и на законодательную.

В оценках деятельности данного лица в современных политических реалиях присутствуют самые крайние суждения. Так, С. А. Денисов полагает следующее: «сложившуюся форму правления правильнее было бы определить как монархическую или олигархическую (учитывая, что страной правит не один человек, а команда, неформальный комитет). В Казахстане по примеру Ирана институт лидера нации формализован в писаном праве. В России этот институт появился приблизительно в 2006—2007 гг., но не нашел отражения в законодательстве. Сегодня ясно, что власть В. В. Путина в стране достигла такого масштаба, что уже совершенно безразлично, какую должность он занимает»⁶.

Да, действительно, влияние персоналии действующего Президента Российской Федерации на государственную власть, причем на все без исключения ее ветви, достаточно велико. Но ведь он формально-юридически является главой государства. К нему персонально протянуто очень много нитей управления, а одна из основополагающих функций данного должностного лица — обеспе-

чение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Президент Российской Федерации также полноценно властвует, находясь между относительно самостоятельными ветвями власти, но на одну из них — исполнительную — он имеет формальных рычагов воздействия более всего. Он может председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации (направлять выработку решений), он назначает и освобождает от должностей руководителей административных ведомств. Наконец, он определяет основные пути развития страны путем обнародования специального документа — Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Не остается в стороне от управляющего воздействия на общество и судебная власть. Это воздействие может быть как опосредованным, так и довольно непосредственным. Согласно устоявшемуся стереотипу судебная власть осуществляет правосудие, то есть, по большому счету, разрешает различные социальные конфликты на основании норм материального права и посредством норм процессуального права. Но в процессе данной деятельности суды также изменяют административные решения, либо вовсе отменяют действие норм права вплоть до федеральных законов.

Однако существует и более принципиальная проблема участия судебной власти в общей системе государственного управления — это проблема восприятия судебного прецедента в качестве источника отечественного права. В теории данного вопроса, равно как в затянувшемся на десятилетия, но пустом по содержанию споре о широком и узком понимании административного процесса, столкнулись две противоположные точки зрения. Однако является «классической» и пришла к нам из советской теории права. Согласно этой концепции судебный прецедент нельзя рассматривать в качестве источника права, поскольку:

— это является нарушением социалистической законности, понимаемой как строгое и неуклонное соблюдение законов и других законодательных актов;

— это в ряде случаев может породить судебный произвол в процессе одновременного выполнения правотворческих и правоприменительных функций;

— это могло привести к подрыву или же, по меньшей мере, ослаблению правотворческой деятельности законодательных органов.

Представляется, аргументы существенные, но, по нашему мнению, неверные. Аргументируем нашу позицию.

Официальное истолкование нормы права высшим судом есть его позиция, от которой он отступит в том случае, если дело по иерархии судебных инстанций поступит на его рассмотрение. Зачастую это официальное истолкование является довольно жестким ограничением восприятия нормы, не вполне корректно сформулированной законодателем.

Данная позиция является не только новым правилом для судов нижестоящих инстанций, но и сигналом для иных правоприменителей относительно того, каким образом будет рассматривать ту или иную ситуацию суд.

На наш взгляд, прецедентное право дает, прежде всего, возможность восполнять пробелы в законодательстве, причем делает это довольно оперативно по сравнению с законодателем, которому необходимо сначала осознать, что произошла ошибка, осуществить законодательную процедуру по инициированию изменений, а уже затем ввести норму в действие.

Второе заключается в том, что судебный прецедент является отражением реального юридического случая, имеющего некоторое обобщенное значение, что крайне важно для защиты прав и свобод граждан и интересов юридических лиц не в «отложенной перспективе», а непосредственно в процессе судебного разбирательства.

В отечественной правовой системе наибольшую схожесть с «классическим» судебным прецедентом имеют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в его постановлениях и определениях.

Рассмотрим в качестве примера некоторые правовые положения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2012 № 6-П⁷. Как следует из текста данного правового акта, инспекция Федеральной налоговой службы по Владимирской области отказала О. Л. Каган в удовлетворении заявления о предоставлении имущественного налогового вычета в сумме понесенных ею расходов на приобретение квартиры в собственности ее несовершеннолетней дочери В. В. Каган. Мировой судья соответствующего участка обязал налоговый орган совершить действия по возврату О. Л. Каган излишне уплаченного налога, однако Ковровский городской суд Владимирской области решение мирового судьи отменил.

В связи с указанным, Конституционный Суд Российской Федерации высказал следующую правовую позицию:

«Закрепляя право на имущественный налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц в сумме фактически произведенных расходов на приобретение жилого помещения, законодатель имел в виду, что получают данное право те налогоплательщики, которые вложили в сделку собственные денежные средства. Несовершеннолетний, не имеющий, как правило, собственных доходов, получая в собственность недвижимость действиями своих законных представителей, не имеет и возможности приобрести право на имущественный налоговый вычет (на возврат уплаченного налога), поскольку при отсутствии дохода он не платил и не может платить налог на доходы физических лиц. Родители же, напротив, налогооблагаемый доход по преимуществу имеют, что и позволяет им как приобрести право на имущественный налоговый вычет при наступлении обстоятельств, образующих его основание, так и воспользоваться этим правом.

Соответственно, в налоговых отношениях, опосредующих право на получение имущественного налогового вычета в сумме фактически произведенных расходов на приобретение недвижимости, предусмотренного пп. 2 п. 1 ст. 220 Налогового кодекса Российской Федерации, те родители, которые израсходовали свои денежные средства на приобретение жилого помещения в собственность своих несовершеннолетних детей, не могут быть поставлены в худшее положение по сравнению с родителями, которые приобрели жилое помещение в общую долевую собственность со своими детьми, — в обоих случаях родители, имея налогооблагаемый доход, несут расходы на приобретение объектов недвижимого имущества, собственниками которого становятся их дети, что должно повлечь и одинаковые правовые последствия, а именно возникновение права на имущественный вычет по налогу на доходы физических лиц».

Налицо практически классический судебный прецедент, когда суд восполняет пробел в материальном праве, обявывая тем самым всех правоприменителей соответствующей нормы следовать вновь сформулированному правилу. Тем самым судебная власть принимает непосредственное участие в управлении делами государства, то есть в государственном управлении.

Не все так просто и с сущностью собственно исполнительной власти. Так, в

ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» прописано: «Правительство Российской Федерации — высший исполнительный орган государственной власти Российской Федерации», однако ни в тексте данной статьи, ни в последующих статьях не присутствует раскрытие понятия «исполнительная власть»⁸. Анализ общих полномочий Правительства Российской Федерации позволяет выделить три предметные области, по которым и возможно сделать какой-то вывод о сущности исполнительной власти (ст. 13):

- организация внутренней и внешней политики Российской Федерации;
- осуществление регулирования в социально-экономической сфере;
- формирование федеральных целевых программ и обеспечение их реализации.

Отметим, что ни в одном из этих направлений не упоминается термин «управление». Он вообще в тексте данного законодательного акта как сущностная категория присутствует всего дважды:

- управление федеральной собственностью (ст. 14);
- управление государственным внутренним и внешним долгом (ст. 15).

Представляется, данная деятельность Правительства Российской Федерации не может рассматриваться в контексте понятия «государственное управление» как системной категории — это всего лишь конкретное направление работы по отношению к определенным, говоря экономическим языком, активам, которые можно воспринимать исключительно в качестве объектов права. Социальное, в том числе государственное управление, должно быть, прежде всего, направлено на субъектов права.

Таким образом, можно вполне однозначно утверждать, что государственное управление, то есть управляющее воздействие органов государственной власти на деятельность иных субъектов правоотношений (граждан и организаций), осуществляется всеми органами государственной власти в пределах, определенных для них, прежде всего, Конституцией Российской Федерации, и государственное управление не может восприниматься как синоним организационно-распорядительной деятельности, характерной для органов государственной власти, организующих реализацию государственной политики в определенных сферах.

При таком подходе категорию «государственное управление» следует признать общесистемной, характерной для

всей системы государственной власти, но не исполнительной власти как обособленного ее элемента.

В связи с тем следует согласиться с В. Е. Чиркиным: «Государственное управление — это прежде всего управление людьми. Обращаясь к людям, государственные органы воздействуют на них индивидуально и через их различные коллективы — естественно сложившиеся группировки (например, социальный слой интеллигенции) и созданные по воле людей (например, партии). Многие государственные акты обращены и к всеобъемлющему коллективу — обществу в целом (например, требование соблюдать Конституцию). В свою очередь, граждане, их коллективы, общество реагируют на государственное управление и устанавливают обратные связи с государственными органами, государством в целом»⁹.

В силу указанного не выглядит научно корректным и термин «административное управление», так как если государственную администрацию воспринимать как синоним исполнительной власти, то мы уже видели, что законодатель делает применительно к управлению в системе исполнительной власти только по отношению к объектам права.

На наш взгляд, выход из данной сложной научно-терминологической ситуации заключается в следующем. Государство через одну из ветвей своей власти или через государственный орган посылает обществу управляющий импульс в виде нормы права — что-то обязывает или воспрещает делать. Это новое правило необходимо реализовать, то есть обеспечить исполнение всеми субъектами данных отношений данного правила. Например, создать контрольные органы, обеспечить их функционирование, законность в их деятельности и т. п. Эта деятельность является организационной, но не управляющей. Поэтому можно достаточно объективно утверждать, что деятельность исполнительной власти в Российской Федерации является организационно-реализующей.

Однако терминологически организационно-реализующая властная деятельность как категория выглядит довольно громоздко. Поэтому достаточно давно в зарубежных источниках, да и в современной России для данного вида государственной деятельности стал употребляться термин «администрирование», производный от латинского «administration», что в буквальном смысле означает и распоряжение, и управление.

Вполне вероятно, что распоряжение (точнее по-русски — распорядитель-

ство) и управление у античных народов являлись синонимами, однако, на наш взгляд, применительно к деятельности органов государства это далеко не одно и то же. Категория «организационно-реализующая властная деятельность» вполне корректно может быть охвачена более краткой категорией «распорядительство» или «администрирование». С учетом того, что распорядительство может осуществляться в разных сферах: государственной, публичного самоуправления или частной, будет уместной акцентирующая добавка в виде, например, государственного распорядительства. Но такое выражение, правильные по своей сути, в литературном русском языке выглядит не совсем привычно. Поэтому замена синонима и представление категории в лингвистическом виде как «государственное администрирование» делает ее более благозвучной, соответствующей современным реалиям.

Хотя юридическая наука тесно связана с лингвистикой, так как основным выразителем нормы права является слово, однако для реализации подлинно научного подхода необходимо раскрыть юридическое научное содержание категории «государственное администрирование». По мнению автора, в обобщенном виде ее можно представить как совокупность следующих действий:

- выработка государственной политики в определенных сферах деятельности по реализации нормативных предписаний более высокого порядка (норм законодательства);
- организационная деятельность по реализации норм законодательства;
- ресурсное обеспечение организационной деятельности;
- ресурсное обеспечение реализации государственной политики в конкретных сферах.

Автор не случайно разделил ресурсное обеспечение на два направления, так как в первом случае речь идет о финансовых и материальных ресурсах для функционирования самого государственного аппарата или мероприятий, им осуществляемых (например, содержание и ресурсное обеспечение деятельности налоговых органов или систем оперативного сбора информации для исчисления налогов), а во втором случае — финансирование и иное ресурсное обеспечение государственных программ, направленных на совершенствование деятельности в различных областях экономической и социальной жизни, в которых должна реализовываться выработанная государственная политика.

Следует также иметь в виду то обстоятельство, согласно которому содержание комплекса мероприятий, охватываемых категорией «государственное администрирование», для различных сфер государственной деятельности может обладать несколько различным содержанием, отклоняясь от более мягкого государственного воздействия в виде регулирования до более жесткого в виде управления.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным сделать некоторые умозаключения.

При рассмотрении юридической категории «государственное управление» прежде всего следует учитывать следующий методологический посыл, а именно: в условиях современного устройства системы государственной власти в Российской Федерации и функций, выполняемых от-

дельными ее ветвями и институтами, данную категорию следует рассматривать как общесистемную, но не как специфическую только для исполнительной власти.

Для обобщенного описания деятельности исполнительной власти в рамках общей системы деятельности государственной власти, по мнению автора, в наибольшей степени приемлема категория «организационно-реализующая властная деятельность», которую в более краткой форме возможно представить как «государственное распорядительство» или «государственное администрирование». Автору более импонирует категория «государственное администрирование» как наиболее оптимальная для современной научной юридической терминологии и охватывающая своим содержанием великое множество различных сфер государственной деятельности.

Примечания

1. Gregorie R. The French Civil Service. Brussels, 1974. — С. 15.
2. Фатьянов А. А. К вопросу о реформировании системы административного права // Административное право и процесс. — 2012. — № 11. — С. 5.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. — М., 2004. — С. 62.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. — С. 342; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 72.
5. Разделение властей. 2-е изд. / под ред. М. Н. Марченко. — М., 2004. — С. 347.
6. Денисов С. А. Конец этапа контрреформ в государственном праве России? // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 5. — С. 33—37.
7. СЗ РФ. — 2012. — № 14. — Ст. 1720.
8. СЗ РФ. — 1997. — № 51. — Ст. 5712.
9. Чиркин В. Е. Публичное управление. — М., 2004. — С. 117.

References

1. Gregorie R. The French Civil Service. Brussels, 1974. — p. 15.
2. Fatianov A.A. To the question of reforming the system of administrative law [K voprosu o reformirovanii sistemy administrativnogo prava]//Administrative law and process [Administrativnoe pravo i process]. — 2012. — No.11. — p.5
3. Atamanchuk G.V. Theory of state administration [Teorija gosudarstvennogo upravlenija]. — M., 2004. — p.62
4. Marks K., Engels F. Collection of works. Volume 17 [Soch. T. 17]. — p. 342; V.I. Lenin. Complete set of works. Volume 36 [Poln. sobr. soch. T. 36]. — p.72
5. Separation of powers. 2d edition. Under the editorship of Marchenko M.N [Razdelenie vlastej. 2-e izd. Pod red. Marchenko M.N]. — M., 2004. — p.347.
6. Denisov S.A. The end of the stage of counter-reforming in the state law of Russia [Konec jetapa kontreform v gosudarstvennom prave Rossii?]/Constitutional and municipal law [Konstitucionnoe i municipal'noe pravo]. — 2012. — No.5. — p.33-37
7. Official Gazette of the Russian federation. — 2012. — No. 14. — Art. 1720 [SZ RF. - 2012. — № 14. — St. 1720]
8. Official Gazette of the Russian federation. — 1997. — No.51. — Art. 5712 [SZ RF. - 1997. — № 51. — St. 5712]
9. Chirkin V.E. Public administration [Publichnoe upravlenie]. — M., 2004. — p. 117.

ГОГОЛЕВ Алексей Михайлович, кандидат юридических наук, директор, Пермский финансово-экономический колледж — филиал ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». 614077, Россия, г. Пермь, бульвар Гагарина, 50. E-mail: pfek-perm@mail.ru

GOGOLEV Alexey Mikhaylovich, Cand. Sc. Law, director, Perm Financial and Economic College – branch of federal public budgetary educational institution of higher education “Financial University under the Government of the Russian Federation”. 614077, Russia, Perm, Gagarin Boulevard 50. E-mail: pfek-perm@mail.ru

